ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз – о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В прошлом номере мы рассказали о том, как жестоко расправились с монахами-раскольниками Средне-Никольского монастыря, который находился недалеко от нынешнего Пугачёва. Подобная же участь постигла и другие старообрядческие монастыри на Иргизе. Правда, на этот раз обошлось без кровопролития.

РАЗГОН

В мае 1841-го новый саратовский губернатор Фадеев (дед известного политического деятеля рубежа XIX–XX вв. Сергея Витте) двинулся с войском неожиданно и секретно к последним двум оставшимся за раскольниками монастырям: Верхне-Спасо-Преображенскому мужскому и Верхне-Покровскому женскому. Оба монастыря были лишены связи с соседними селениями. Защитить их было некому. Раскольники в очередной раз отказались принять единоверие, но были обмануты.

В мужской обители настоятель Нижне-Воскресенского (уже единоверческого) монастыря архимандрит Платон на глазах у изумлённых монахов окропил их святая святых – главную церковь – своей единоверческой святой водой, и раскольничья святыня вмиг потеряла святость. Так вероломно была покорена последняя староверческая твердыня на Иргизе. Это случилось 28 мая, и этот день раскольники назвали «днём вавилонского пленения», с горечью признав, что закатилось «солнце православия».

Вместо пяти старообрядческих монастырей стало три православных единоверческих: два мужских – Воскресенский и Спасо-Преображенский и один женский – Никольский.

Верхне-Спасо-Преображенский монастырь, нач. XIX в.

ПОСЛЕ РАЗГОНА

Но старая вера не была разрушена с падением монастырских стен – она только разбилась в куски, разделилась на множество толков и сект, стала фанатичнее и замкнутее, твёрже и недоверчивее в своих устоях. Из разрушенных «гнездилищ» старые и юные птенцы разбрелись по всей России. С Иргиза старая вера перешагнула за Волгу, на горы (в район Хвалынска), создала Черемшань и другие скиты, перенеслась на Урал, на Обь, на Дон и Терек, за Кубань и т. д. Старцы и старицы, ютившиеся в «пустыни прекрасной», как иногда называли раскольники Иргиз и озеро Калач, над которым стоял один из монастырей, превращались в бродячих, более неуловимых пророков и пропагандистов. «Овечьи избы» превращались в ряды келий, на месте хуторов и лесных сторожек вырастали новые скиты и обители.

Например, сразу после ликвидации Нижне-Воскресенского монастыря у Криволучья два монаха-раскольника Зосим и Александр переселились в деревню Натальину (тогда название писалось «Натальина») и за очень короткий срок «совратили в раскол» 92-х мужчин и 89 женщин. Вольским духовным правлением это было воспринято как бедствие, а священник балаковской Троицкой церкви Иван Элпидинский, в чьём приходе находилась эта деревня, направил в 1832 году епархиальному начальству докладную записку, в которой попросил разрешения на строительство в Натальине православного храма. Разрешение было получено. Через четыре года здесь открыли молельный дом (или часовню) и только спустя 10 лет построили храм.

По всему Саратовскому Заволжью после разгона старообрядческих монастырей прокатилась волна слухов о «дурных» предзнаменованиях и силе раскольничьего духа. Вот несколько примеров из книги Дмитрия Дубакина «Обращение Иргизских раскольнических монастырей в единоверие», опубликованной в «Самарских епархиальных ведомостях» в 1883 году:

«В 1843 году на границе Николаевского и Новоузенского уездов прошёл таинственный слух, что на Еланском хуторе, принадлежащем вольскому мещанину Мунину, совершилось чудо:

«Накануне нового года из образа Рождества Богородицы текла кровь».

Под влиянием этого слуха бывшие раскольники стали ожидать великого бедствия «крови», иначе народ не мог объяснить странного чуда. При освидетельствовании действительно оказалось, что кровь капает. Её собрали в пузырёк и отправили к епископу Саратовскому Иакову вместе с донесением о мнимом чуде. Сообщили также и саратовскому губернатору. Назначили расследование, виновных следовало доставить в Саратов в кафедральный собор. Иаков сообщил и министру внутренних дел.

Следствие выяснило, что «на полку, выше образа сделанную, был положен кусок сырой свинины, и мокрота из оного, по случаю покатости полки, стекала на самый образ Рождества Богородицы, в чём созналась частью семенная Мунина – Матрёна Гаврилова. Это доказывалось и тем, что по испытанию налитием на полку воды произошло то же самое». Суд оправдал Гаврилову и других, приняв во внимание полное невежество всех обвиняемых лиц.

Чуть позже по нижнему течению Иргиза пошёл «новый слух»: будто бы недалеко от слободы Криволучья в версте от Нижне-Воскресенского монастыря на могиле «праведного человека», раскольничьего монаха старца Ионы, высланного из Средне-Никольского монастыря и недавно похороненного, горит «небесный огонь». И раскольники Криволучья стали тайком посещать могилу и молиться. В то же время распространился ещё один слух, что в доме криволучского крестьянина Пармена Назарова, в «образной избе», горит лампада с неугасимым огнём, добытым будто бы от небесного огня, горевшего по ночам на могиле старца Ионы. После этого жители Криволучья, как и раскольники соседних поселений, начали толпами сходиться в дом к Назарову для молений и для получения от его неугасаемой лампады небесного огня. Последний разошёлся по многим селам, заселённым раскольниками, и по возможности поддерживался в разных раскольничьих домах, составляя предмет самого бдительного неусыпного внимания. Между раскольниками распространилось верование, что этот небесный огонь будет спасительным для тех, кто сохранит его до дня страшного суда. При помощи этого огня раскольники надеялись в ночь страшного суда «найти дорогу в рай».

Власти произвели секретное дознание, а потом и формально следствие. Оказалось, что огонь в лампадке зажигался по праздничным дням и иногда действительно очень долго горел. На вопрос, почему он назвал этот огонь небесным, Назаров отвечал, что «всякий огонь, горящий перед иконой, есть огонь Божий, а следовательно, небесный».

А ночью следователи вместе с Назаровым пошли к могиле Ионы. Они действительно увидели свет, но при тщательном осмотре обнаружили, что его издает «кусок гнилушки», вделанный в небольшое выдолбленное в кресте углубление. Назаров объяснил, что это он вделал в крест кусок гнилого дерева по духовному завещанию Ионы, который просил будто бы Назарова за несколько дней до смерти «освятить его могилу останками от честного гроба усопшего в Никольском монастыре инока Филарета», которого Иона захватил, когда его выгоняли из Средне-Никольского монастыря. Назарова отправили в суд в Николаевск».

Покорить хранителей древлеправославной веры официальной церкви и государственной власти так и не удалось. Мало того, именно из старообрядческой среды вышло множество богатейших и известнейших купеческих родов Российской империи. Среди них московские Рябушинские и Морозовы, нижегородские Бугровы, балаковские Мальцевы и другие.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует